

Огни фонариков продолжали гореть до глубокой ночи. Помимо их запуска, был также установлен алтарь, где женщины-культураторы, купаясь в лунном свете, молились, болтали и щелкали семечки. Вся ночь была наполнена весельем.

На следующее утро на улицах, в переулках и на подоконниках можно было увидеть множество больших и маленьких мисок. К полудню девушки собрались в группы по три-пять человек и начали бросать иголки в воду.

Когда Хуа Буюй зашел в комнату к Ци Жу и остальным, он увидел на столе множество мисок с водой, в некоторых из которых уже лежали иголки.

— Маленький Тахуа, иди сюда, иди сюда! — позвал его Бай Гэ и сунул ему в руки тканевый мешочек, в котором было несколько десятков серебряных иголок.

Чжэуа, стоя рядом, убрал миску с иголками, вынул их, вытер и снова воткнул в мешочек. Ци Жу бросал иголки в воду, и его миска была почти полностью заполнена.

— Не торопись, не торопись! Смотри, как старший брат — он с первого раза смог удержать иголку на поверхности. Действуй аккуратно, аккуратно! Нужно почувствовать воду, понять ее...

— Ладно, хватит! В этой миске я уже разрушил пленку, дай мне другую.

— Ты уже сменил три миски! — с отвращением сказал Бай Гэ. — Сердце не спокойно, и руки не ловкие.

— Я же не девушка, зачем мне ловкие руки?

— Чтобы тренировать характер.

Ци Жу: «...»

Хуа Буюй улыбнулся и тоже вытащил иголку. Присмотревшись, он заметил, что на поверхности воды действительно образовалась тонкая пленка. Он аккуратно взял иголку кончиками пальцев, медленно поднес к воде и осторожно отпустил —

Иголка медленно опустилась на дно миски.

Хуа Буюй: «...»

Он попробовал еще раз.

И еще раз.

И даже сменил миску с водой.

Почему?!

— Смотри! Тахуа тоже не получается! — наконец обрадовался Ци Жу, что кто-то разделил его участь. — Зачем вообще на Циси устраивать такие штуки? Женщины, зачем вы мучаете женщин?

— Сам не смог, а теперь винишь воду, — Бай Гэ сменил миску. — Договорились: кто последний справится, тот идет звать учителя.

Хуа Буюй дрогнул рукой и снова уронил иголку в воду.

Почему об этом нельзя было сказать раньше?

— Ци Жу, сдавайся. У маленького Тахуа больше шансов, чем у тебя. Иди зови учителя, скоро мы пойдем смотреть на пейзажи, — Бай Гэ забрал иголки у Ци Жу и вытолкнул его за дверь.

Хуа Буюй облегченно вздохнул, но почему-то почувствовал легкое сожаление.

Через некоторое время Цзи Цаншэн пришел.

Лениво зашел в комнату, лениво взял иголку, лениво положил ее на поверхность воды, и иголка лениво всплыла, отбрасывая причудливую тень на дно миски.

Надо же! Неужели это все благодаря тому, что он — глава Врат Тяньюань и его старший ученик? Как они оба смогли сделать это с первого раза?

Однако тень от иголки Юй Худе была просто прямой линией. По народным поверьям это означало, что он потерпел неудачу в мольбе о мастерстве. Говорили, что тень должна изгибаться, быть толще с одного конца и тоньше с другого, чтобы считаться успешной. Но это же просто иголка, откуда взяться таким сложным теням?

Только увидев эту миску с водой, они поняли, что народные легенды действительно могут быть правдой.

Цзи Цаншэн улыбнулся:

— Какая разница, правда это или нет? Это всего лишь тени пыли.

Они снова посмотрели на миску. Вода была спокойной, с тонкой пленкой на поверхности, и, помимо иголки, на дне действительно была видна мелкая пыль.

— Пойдемте, посмотрим на каменный лес, — Цзи Цаншэн поправил рукава и открыл дверь.

Сегодня он был одет в широкий халат цвета коричневого дерева с черно-зеленой прозрачной накидкой. Его волосы были слегка растрепаны, придавая ему вид ученого. Только он вышел, как к нему подбежала молодая девушка и сунула ему в руки бамбуковую ветку, с которой еще капала вода.

Эта ветка была ярко-зеленой, с утренней росой, которую собирали на рассвете. По традиции, ею можно было просить о мастерстве. Неизвестно, откуда взялся этот обычай, но в этом году он внезапно стал популярным, и появилось поверье, что ветку нужно дарить тому, кого любишь.

Сегодня почти у каждой девушки на улице была такая ветка. Завтра начинался турнир, и многие мужчины-культиваторы начали сравнивать, кто получил больше веток.

Например, у входа двое, которые не получили ни одной, жаловались, что ветки дарят прямо у дверей, и что тот, кто их получает, наверняка просто красавчик.

И тут «красавчик» улыбнулся им, принял ветку и проводил девушку, держа бамбуковую ветку в руке.

Только они вышли из гостиницы, как их снова остановила девушка.

— Цзи Лай! — это были те, кого они встретили у дверей номера. Эта девушка, которую называли младшей сестрой, была самой красивой, с ясными глазами, которые слегка опускались, что делало ее очень милой.

Девушка, слегка смущаясь, отвела Цзи Цаншэн в сторону, но, похоже, стала чувствовать себя увереннее.

— Эмм... ты хорошо знаком с Тахуа, да?

Цзи Цаншэн: ?

— Ну... в тот раз... у реки, мы были рядом, и я видела, что вы хорошо ладите... — девушка говорила все тише и тише. Она тайком наблюдала за ними в тот день, и Цзи Лай казался самым дружелюбным из всех.

— Что случилось? — спросил Цзи Цаншэн, но, похоже, уже понял, в чем дело.

— Это... ты можешь передать это... господину Тахуа...

— ... — Цзи Цаншэн внимательно выслушал ее тихий голос, но не взял вещь, а мягко сказал:

— Это твои чувства, ты сама должна ему их передать, а не через меня.

— Я... — девушка услышала это, и из ее глаз тут же покатились слезы. — Я боюсь...

На улице, при свете дня, у входа в гостиницу, все проходящие мимо начали смотреть в их сторону, и многие указывали на него, говоря довольно громко.

Как он вдруг стал неверным?

— Эй, эй, — Бай Гэ оттащил остальных троих в сторону. — Смотрите, настоящий Бессмертный владыка Тахуа, его удача с женщинами просто невероятна. Даже не выходя из дома, он уже встретил две.

Чжэхуа:

— Не говори так об учителе, а то накажут.

Хуа Буюй: ?

Бай Гэ:

— Ой, не о тебе. Эй, я только сегодня заметил, что прозвище учителя такое же, как у маленького Тахуа.

Ци Жу:

— Разве это одно и то же? Один — похититель цветов, а другой — тот, кто идет по цветам...

— Ладно, ладно, это не главное. Главное в том, что та девушка — это та самая, которая устроила скандал на лестнице в гостинице пару дней назад, — Бай Гэ еще раз проверил, что звукоизолирующий барьер работает, и продолжил:

— Даже скандал привлекает девушек из вражеского лагеря, вот это сила обаяния!

Чжэхуа:

— Но я помню... учитель тогда даже не видел ее лицом.

Бай Гэ:

— Правда?

Хуа Буюй:

— Правда.

Ци Жу:

— Кажется, да, я ее совсем не помню.

Бай Гэ:

— О... тогда это еще круче. Зная, что между ними вражда, она все равно...

Ци Жу:

— Подожди, подожди, разве ты тогда не был со мной в номере?

Чжэхуа:

— Подглядывал, да?

Бай Гэ:

— Нет, не подглядывал, не выдумывай.

Ци Жу:

— У некоторых глаза на затылке, а у тебя они не только там.

Бай Гэ:

— Ладно, хватит обо мне. Эх, я уже два дня не могу выговориться. К счастью, Бессмертный владыка Тяньюань не может просто так покидать Врата Тяньюань, иначе учитель стал бы настоящим сердцеедом...

Ци Жу:

— Это его личное обаяние, не надо, если сам не можешь привлечь девушек, обвинять учителя в ветрености.

Бай Гэ:

— Тьфу, тьфу, значит, ты слепой. Обаяние — это не только внешность. Смотри на старшего брата, на маленького Тахуа — они же не так популярны, как учитель.

— Эй, эй, он возвращается, — Чжэхуа хлопнул по звукоизолирующему барьеру, и он рассеялся.

Хуа Буюй был немного в шоке, но в то же время ему хотелось смеяться. Опыт сплетен за

спиной учителя с братьями был новым и забавным.

Как же это здорово.

— Это действительно круто, с полудня до ночи. Вы только представьте, всю ночь при луне продевать иголки в нитку, разве это не ослепляет? — Бай Гэ тут же сменил тему, будто все это время говорил только об этом. — И еще, на одной нитке нужно продеть семь иголок. Кто вообще придумал такую скучную затею, чтобы мучить людей?

Цзи Цаншэн, похоже, тоже научился навыку Юй Худе автоматически игнорировать чьи-то глупости, и, проходя мимо Бай Гэ, протянул Хуа Буюй бамбуковую ветку.

Цзи Цаншэн:

— Возьми.

Хуа Буюй: ?

Чжэхуа: ?

Ци Жу: ?!

Бай Гэ: !!!!!

<http://bllate.org/book/17680/1648259>